

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лочмелис Е.Р. Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут» // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71295 EDN: NFKABE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71295

Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут»

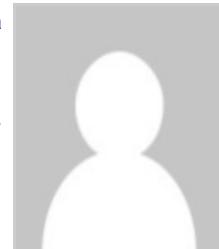
Лочмелис Елизавета Романовна

ORCID: 0009-0004-0395-5483

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ dostfm182181@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71295

EDN:

NFKABE

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2024

Дата публикации:

19-08-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению тех признаков жанра литературной баллады, которые нашли свое отражение в песнях группы «Король и Шут» (автор текстов — Андрей Князев). Это, в частности, ситуация столкновения человека с иномирными сущностями, когда персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства попадает в гармонизированную сферу «здесьшнего» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия. Кроме того, в балладе актуализируется амбивалентная природа обрядов перехода (происходит инверсия мотива). В ряде песен группы «Король и Шут» действие, как и в переводных балладах романтизма, происходит в условном европейском Средневековье, тогда как сюжетная ситуация излагается лапидарно, язык довольно прост, а сами события развиваются динамически за счет диалогов между персонажами текстов. Методологическая основа: творчество панк-группы «Король и Шут» рассматривается с опорой на

литературоведческую методологию (анализируются тексты песен, выявляются жанровые признаки, позволяющие отнести их к литературным балладам). В заключении статьи автор приходит к следующим выводам: рок-поэт обращается к романтической балладе ввиду кризисности своего мироощущения, поскольку этот жанр несет в себе элегическую тональность, а также мотив трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя, который оказывается внутренне соприроден миру «страшной сказки», выходцем из которой он и предстает на сцене. Научная новизна статьи связана, прежде всего, с предметом исследования: показано, что панк-рок не входит в разрыв с традицией, а, напротив, опирается на нее и сохраняет константные признаки жанра баллады, открывает скрытую тягу к культурному диалогу и встраивается в традицию. Таким образом, исследование вносит вклад в изучение русской рок-поэзии как феномена современности, а также углубляет понимание механизмов того идеально-тематического и культурного диалога, в который рок-поэт вступает с предшествующей ему классической традицией.

Ключевые слова:

баллада, романтизм, трансформация жанра, жанровые признаки, панк-рок, рок-поэзия, обряды перехода, инверсия, литературная баллада, романтическая баллада

В данной статье предпринята попытка выявить некоторые константные признаки жанра литературной баллады, а после — доказать, что в творчестве «Короля и Шута», а также групп, ориентирующихся на «КиШ», заметна опора на жанровую традицию и классические образцы, а значит, их тексты могут быть рассмотрены как опыт реконструкции балладных форм.

Литературный жанр — понятие, подразумевающее определенное формально-содержательное единство целого комплекса структурных элементов текста, что обуславливает, с одной стороны, его устойчивость, даже инертность, а с другой — подверженность разного рода трансформациям^[1]. Последнее приводит к тому, что одно и то же жанровое обозначение может охватывать широкий спектр явлений, варьирующихся на разных этапах историко-литературного процесса, что хорошо видно на примере баллады, установление жанровых границ которой всегда представляло известную сложность, о чем свидетельствует следующее замечание Мерзлякова: «<...> мы просим <...> определить нам, что такое баллада, имеет ли она правила и границы <...>»^[2, с. 188]. Ср.: «...тайственный вид стихов, известный в Англии как традиционная баллада»^[3].

Прежде чем переходить к анализу рок-баллад, представляется правильным выявить тотспектр как формальных, так и содержательных характеристик, которые препятствуют окончательному разрушению этого жанра, поскольку категории жанра присущи «исторические конвенции» — «комплекс норм и правил игры», сообщающих, каким образом читателю «следует подходить к данному тексту», и «тем самым обеспечивающих понимание этого текста»^[4, с. 186].

Так, русская литературная баллада, в частности ее наиболее распространенный и продуктивный англо-шотландский вариант^[5], — «затейливый»^[2, с. 187] лиро-эпический жанр, который «пришел к нам из Германии и Англии»^[2, с. 187] (см. переводы В. А. Жуковского и из Шиллера, Гёте и В. Скотта) и оформился в начале XIX в. в системе координат, заданных эстетикой романтизма.

Романтическая баллада — небольшое сюжетное стихотворение с динамичным развитием действия, в основе которого лежит необычный случай (мотив встречи человека с чудесным, фантастическим, иномирным, а потому пугающим, взятый в качестве сюжетообразующего [6]) Англо-шотландская и близкая ей немецкая разновидности баллады (в отличие от французской, связанной со «строгой строфической формой» [7, с. 35]) характеризуются с овмещением лирического («отказ от безличного в пользу личного повествования» [7, с. 38 1]), эпического (сюжетность, наличие персонажей) и драматического (диалогические реплики, играющие важную роль в сюжетостроении; позднее — отделка речевого портрета персонажей) начал (см. подробнее работы Боровской [8], [9]). Опора на диалогические построения и вопросно-ответную структуру в целом ведет к усилению динамики и напряженности действия.

В основе такой баллады традиционно лежит фольклорный сюжет, что не позволяет исключить из числа основных признаков жанра «атмосферу чудесного, таинственного, фантастического» [10, с. 4] и заложенное в памяти жанра ощущение его генетической связи с литературными образцами (прежде всего, сказкой и балладой народной). Неслучайно Андрей Князев отмечает, что в массовом сознании балладные тексты ассоциируются прежде всего со страшными сказками: «Сторонний наблюдатель обобщит все творчество “КиШа” одним словом — сказки...» [11, с. 1]

Так, центральным событием в русской литературной балладе, как и в фольклорной сказке, зачастую становится столкновение человека с иномирными сущностями (мертвецами, духами, потусторонними силами) [3, с. 51]. Однако, в отличие от сказки, герой которой перемещается из «своего», освоенного пространства (яви) в мир мертвых (навь) с целью ликвидации недостачи [12, с. 44], баллада характеризуется прямо противоположной разработкой ситуации пересечения границы: персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства (часто — мертвый жених, как, например, в балладе «Людмила» Жуковского или «Ольга» Катенина) попадает в гармонизированную сферу «здесьного» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия.

Неслучайно поэтому то, что в балладе актуализируется амбивалентная природа обрядов перехода. Невеста не оживает в новом статусе, вместо свадебного обряда конструируется похоронный, и дом подменяется могилой: «Дом твой — гроб; жених — мертвец» [13, с. 13 1], то же и у Катенина: «— “Дом — землянка”. — “Как в ней?” — “Тесно”» [14, с. 94].

Описанные выше инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут». Действие в них, как и в переводных балладах романтизма, происходит в условном европейском Средневековье. Сюжетная ситуация излагается лапидарно. Язык довольно прост, что также является одной из характерных черт баллады [15, с. 71]. Действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен.

Так, в песне «Фред» главный герой отправляется чистить свой колодец, в котором находится скелет, наряженный в «девичье платье» [16], и «зачем-то» [16] относит его домой. Колодцы в фольклоре традиционно связываются со «смертью, переходом в другой мир» [17], а также с мотивом «перерождения в новом качестве» [17] (часто герои по возвращении становятся лучше, краше), здесь же мертвая переносится в мир живых, а «мертвый жених» заменяется «невестой». Важно отметить негативно окрашенную семантику деталей (грязный колодец, «мутная вода» [16]), предвещающих дурное: наутро у Фреда отнимаются ноги

, и он сходит с ума, однако бессознательность его действий акцентирована заранее («И зачем-то, вот вопрос, / В дом к себе его отнес»^[16]). Традиционный для волшебной сказки и мотив «истинной любви» («Стал свою находку / Называть судьбою»^[16]), возвращающей зачарованную принцессу к жизни, пробуждающей ее и всех жителей заколдованного замка, также трансформируется, поскольку постепенно подводит Фреда, одержимого своей любовью, к смерти: «От любви безумной / Каждой ночью лунной / Мертвая вставала, / Плотью обрастила»^[16] и «Быть хочу всегда с тобой! / Представлять тебя живой, / Верь мне, верь мне, верь мне, верь! / Стоит твоя жизнь моих потерь!»^[16]

Другим «проходом» в мир мертвых в сказках традиционно выступает избушка на курьих ножках — жилище Бабы-Яги, старой ведьмы-каннибалки^[18], локализованное на границе с «темным лесом» (потусторонним царством). Тот же локус инвертированно воссоздан в песне «Верная жена»: «Дождливой ночью парень, выбравшись из леса, / Вдруг одинокую избушку увидал»^[19]. Герой направляется не в лес, а из него и надеется переночевать в избе, дверь ему открывает «старуха дряхлая»^[19] и, ни о чем не расспрашивая, впускает в дом, готовит постель и «сытно»^[19] кормит (мотив переодевания и принятия пищи как часть обряда перехода). Ночью странник просыпается оттого, что слышит громкий стон из подвала (локус, функционально и символически эквивалентный могиле), и спрашивает старуху: «Скажи мне, бабушка, что за шум?»^[19] Она отвечает, что в подвале «по ночам поет» дух ее «покойного деда»^[19]. Герой решает спуститься в подвал и изгнать злого духа, а старуха закрывает ведущую туда дверь. Вскоре из подвала раздается «крик предсмертный»^[19] и чавканье «страшного деда»^[19]. В отличие от сказки или, к примеру, песни «Садовник», рассказывающей о юноше, которого сестры заставили отправиться за цветами в чужой сад: «Братец, в сад чужой, ты, пойди, пойди / И чужих цветов ты нам принеси»^[20] (повторяющийся эпитет «чужой» маркирует наличие запрета, нарушение которого приводит героя к смерти), в песне «Верная жена» запрет нарушается как бы невольно. Старуха не сама съедает путника, однако не запрещает ему спуститься вниз, хотя и знает, что о «каждый норовит нос сунуть в <...> подвал»^[19]. Таким образом, добро в тексте не торжествует над злом — старуха становится причиной смерти героя, однако она действитель но оказывается «верной женой» своему мужу, несмотря на то что сама его сгубила.

Заколдованный лес является основным местом действия многих других текстов «Короля и Шута», так, в нем локализованы (или с ним связаны) сюжеты песен «Лесник»^[21], «Охотник»^[22], «Медведь»^[23]. Перечисленные тексты отмечены диалогической структурой (включением прямой речи персонажей), а также сохранением фабулы, то есть представляют собой сюжетные произведения, действие которых развивается в сказочном пространстве условного европейского Средневековья (охотника, например, зовут Себастьян, а горбун а из песни «Вдова и горбун»^[24] — Иоганн). Кроме того, песни наполнены фольклорными, мистическими и подчас пугающими мотивами.

Сюжет песни «Лесник» воспроизводит классическую сказочную схему: уставший путник просит ночлега у лесника и остается в его сторожке. Лесник дружелюбно принимает его и говорит, что «среди животных» у него «нет <...> врагов»^[21] и что он любит «подкармливать волков»^[21]. Гостеприимство лесника, его непринужденная болтовня «о том о сем»^[21] мешают гостю заподозрить какую-то связь между этими, на первый взгляд, никак не соотнесенными друг с другом репликами, в итоге развязка оказывается новеллистически в незапной — лесник возвращается с «ружьем наперевес» и объявляет: «Друзья хотят пок

ушать, / Пойдем, приятель, в лес!»[\[21\]](#)

Интересно, что тот же прием использован и в песне «Ели мясо мужики», рассказывающей о конюхе, который пригласил на ужин любовников своей жены и, притворившись веселым и радушным хозяином, угостил их мясом. Однако пирующие и пьяные мужики не могли даже предположить того, что конюх убил и изжарил собственную жену, оттого и не понимали, о чем в действительности говорил упрекавший их человек: «Я за ней не уследил — в том моя вина, / Но скажите, правда вкусная она?»[\[25\]](#)

Похожий хронотоп воссоздан в тексте песни «Тайна хозяйствки старинных часов»[\[26\]](#): «покупатель старинных часов»[\[26\]](#) случайно попадает в древний особняк, «укрывшийся среди жутких лесов»[\[26\]](#), и находит часы, стрелки которых «замерли <...> сто с лишним лет назад»[\[26\]](#). Гость остается переночевать и втайне чинит часы («...древнюю вещь ото сна пробудил»[\[26\]](#)), после чего хозяйка начинает стареть и наконец обращается в прах

Мотив остановившегося времени, или сна, подобного смерти (известен по таким сказкам, как «Спящая красавица» Шарля Перро, «Спящая царевна» Жуковского, «Белоснежка» братьев Гримм и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина), встречается и в песне «Рыбак». Ее сюжет рассказывает о том, как рыбак заснул в лодке и не заметил, что «на воду лег туман»[\[27\]](#), заставивший его плыть домой «наугад»[\[27\]](#). Возвратившись домой, рыбак обнаружил, что «часы стоят»[\[27\]](#), «мухи в воздухе висят»[\[27\]](#), а сын «стоит, разинув рот»[\[27\]](#), и «в прыжке со стула замер кот»[\[27\]](#).

Хендерсон в своей классификации традиционных для английской баллады тем и мотивов выделяет следующие: *нечастная любовь* (связанные с нею мотивы горя, страсти, стремящейся преодолеть все преграды), любовь к *не-людям, месть за измену и прелюбодеяние, запретная любовь между братом и сестрой*[\[3, с. 29–57\]](#).

Практически все эти темы и мотивы, за исключением инцестуальной связи, представлены в творчестве группы «Король и Шут», а также в ряде других российских рок-групп. Здесь можно назвать самостоятельный проект Андрея Князева — «КняZz», группы «Rotten Toten» и «Спектакль Джо».

Из песен группы «Rotten Toten» заслуживают внимания «Торговец волосами», «Мертвый висельник» и «Ужин у вдовы». Последний текст рассказывает о женщине, которая сжигала со свету мужа и в полночь принимала в своем доме мертвецов: «От мертвеца на память осталась голова, / Много интересного бы рассказать могла»[\[28\]](#) и «И каждый вечер, полночь лишь пробьют часы, / К ней в дом приходят выпить чаю мертвецы»[\[28\]](#).

Группа «Спектакль Джо» возникла после смерти Михаила Горшенева и во многом продолжила традиции «Короля и Шута». В частности, интересны песни «Принцесса фей» (о связи человека с принцессой фей) и «Портрет», сюжет которой рассказывает о том, как портрет старика ожил и заговорил, заставив лирического героя шагнуть в картину и обменяться с ним местами: «Только фокус мой не в этом, будешь ты теперь портретом, / А я житель буду дома твоего»[\[29\]](#).

Мотив любви к созданию иного мира присутствует в таких песнях «Короля и Шута», как «Та, что смотрит из пруда» и «Девушка и граф».

В первом тексте переход границы описывается классически: русалка «уводит» на дно художника, который «тосковал о чем-то своем»[\[30\]](#), тот «погружается в вечный сон»[\[30\]](#). Од

нако, вопреки фольклорной традиции, вредительство русалки оказывается ненамеренным — она начинает плакать и спрашивать: «Ах, зачем же умер он?»[\[30\]](#) (реплика построена так, точно русалка удивлена тем, что оказалась причастна к смерти художника, и не желаала ее).

В песне «Девушка и граф» сюжетная ситуация связана с тем, что «прекрасная дама», мечтающая обрести бессмертие, прогуливается с графом по залитой лунным светом аллее парка, в отдалении, во мгле, виднеются «очертания замка»[\[31\]](#). Граф, очевидно, является вампиром: несмотря на то, что это не утверждается прямо, его характеристика постепенно складывается в целостный образ. Прежде всего сам выбор дворянского титула определяет ассоциативный ряд и отсылает к прецедентному имени: граф — граф Дракула (герой одноименного романа Брэма Стокера, хотя сюжет был широко известен и ранее, см., например, «Сказание о Дракуле воеводе» Федора Курицына, написанное в конце XV в.). Далее по косвенным характеристикам воссоздаются и другие детали образа, в массовом сознании связанного с готическим романтизмом: считается, что вампиры обладают особым магнетизмом и притягательностью («Девица графа очень нежно обнимала»[\[31\]](#), «Какой у вас глубокий взгляд, как он влечет и манит! / Я не могу себя понять: меня к вам сильно тянет. / Вы так таинственны, заворожили вы меня, / И в вашей власти плоть и кровь мои!»[\[31\]](#)), являются ночными, питающимися кровью созданиями, чье бессмертие обрекает их на вечное одиночество («...граф всегда один под леденящим сводом тьмы»[\[31\]](#), «Утро станет сном, и будет вечно длиться ночь!»[\[31\]](#)), а потому начинает осмысляться как проклятие («О, сколько их, готовых кровь отдать за наслажденье!»[\[31\]](#)).

Мотив мести за измену представлен в песне «Ведьма и осел», которая построена как монолог лирической героини — ведьмы, с «нелегкой судьбой»[\[32\]](#), чья любовь «на беду <...> обречена»[\[32\]](#): «В детстве цыганка мне одна предсказала, будто я / Если сильно полюблю, то любимого сгублю, / Что изменения не прощу и жестоко отомщу: / Не специально, но со зла превращу его в осла»[\[32\]](#). Несмотря на то что сюжет имеет трагическое завершение (осел решил «приблизить свой конец»[\[32\]](#), «что-то выпил, что-то съел и, бедняга, околел»[\[32\]](#)), воспринимается он как почти комическая история в силу того, что нарушается читательское ожидание: оказывается, что героиня в действительности недолго ревновала и делала все возможное, чтобы «как-нибудь облик милого вернуть»[\[32\]](#).

В «Кукле колдуна», одной из известнейших песен группы «Король и Шут», именно трагически завершившаяся любовь (несмотря на предупреждения героя, девушка стала жертвой, «невольницей» колдуна, который заставляет «охотиться на людей»[\[33\]](#)) толкает героя на попытку рискнуть и разрушить темные чары: «Много книжек я читал, / Много фокусов видел / Свою тайну от меня не пытайся скрыть!»[\[33\]](#) Пространственная организация текста воссоздает несколько наивные клише готического романтизма: герой направляется в комнату своей возлюбленной, тайком пробираясь по «темному, мрачному коридору»[\[33\]](#) за мка или склепа. Единственное, что, как он надеется, способно защитить его, — наперсный крестик («Крестик на моей груди, / На него ты погляди»[\[33\]](#)), однако финал песни открытый — не вполне ясно, достиг ли герой своей цели, выжил ли он или только успел почувствовать опасность за мгновение до того, как повествование оборвалось: «Все происходит как в страшном сне. / И находиться здесь опасно мне!»[\[33\]](#)

При этом в творчестве группы «Король и Шут» заметен процесс лиризации и монологизации баллады, сопряженный со снятием ключевой для мифопоэтического сознания оппози

ции «свой» — «чужой» и смещением действия и героев в один план. Так, есть тексты, построенные как исповеди героев-злодеев («Некромант»^[34], «Хозяин леса»^[35]), описанных как «мученики своего таланта»^[34], обреченные на «вечную муку»^[35] и «вечную скуку»^[35]; жизнь их «полна страданий»^[34], поскольку они остались людьми только наполовину: «Человек исчез, его больше нет, / А из тела его демон вышел на свет»^[35] или «Наполовину человек — наполовину я мертвец! <...> Я будто волк среди овец»^[34]. То же в песне «Медведь», отмеченной мотивом оборотничества. Пьяный колдун превращает медведя в человека: «Забрали чары / Души покой. / Возник вопрос / — Кто я такой?»^[23]

Внутренний конфликт достигает своего апогея в песне «Отражение»^[36] — водная гладь становится той границей, которую герой намерен перейти: «Против меня восстала сущность моя»^[36] и «Средство есть лишь одно — сгинь на дно»^[36]. Альтер-эго, двойник, «принесший в <...> жизнь страданья»^[36], — тот, «кто пришел из зазеркалья»^[36].

Таким образом, рок-поэт обращается к романтической балладе^[37], поскольку этот жанр, помимо нарратива и фантастики, несет в своем ядре элегическую тональность (печальные размышления о несправедливости жизни и ее смысле), а также ощущение трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя на смерть. Отсюда и лиризация, и монологизация баллады, и исповедальность ее тона.

При этом отмеченная исследователями «периодичность возвращения жанра баллады»^[38], [с. 234](#) и его актуализации во многом обусловлена тем, что поэзия становится средством осмыслиения ирреального реального, в которое погружен человек ХХ–XXI вв., а герой баллады оказывается внутренне соприроден ее миру, причастен к нему — к вселенной «страшных сказок», выходцем из которой он и предстает на сцене, — или даже физически в него перемещен, что символически маркирует кризисность мироощущения панк-рок поэта.

Библиография

1. Боровская А. А. Эволюция жанровых форм в русской поэзии первой трети ХХ в. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009. 210 с.
2. Мерзляков А. Ф. Письмо из Сибири // Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980. С. 187–188.
3. Henderson T. F. The ballad in literature. Cambridge [Eng.]: The University Press; New York, G.P. Putnam's Sons, 1912. ix, 128 р.
4. Компаньон А. Демон теории: Литература и здравый смысл. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 333 с.
5. Atkinson D. The Anglo-Scottish ballad and its imaginary contexts. Cambridge: OpenBook Publishers, 2014. xv, 207 р.
6. Прозоров Ю. М. «Занялся от страха дух...»: «ужасное» в эстетике и поэзии В. А. Жуковского // Русская литература. 2016. № 2. С. 19–50.
7. Боровская А. А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети ХХ века. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Астрахань, 2009. 47 с.
8. Боровская А. А. Диалогизация баллады в русской литературе конца XIX – начала XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 3 (69). С. 101–107.
9. Боровская А. А. Ролевые баллады в русской поэзии первой трети ХХ в. // Гуманитарные исследования. 2008. № 4 (28). С. 102–110.
10. Мухина З. И. Русская литературная баллада 1830-х – 1850-х годов: история и

- поэтика жанра. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000. 19 с.
11. Князев А. Король и Шут. Старая книга. М: Издательство АСТ: Кладезь, 2018. 280 с.
12. Пропп В. Я. Морфология сказки / Гос. ин-т истории искусств. Л.: Academia, 1928. 152 с.
13. Жуковский В. А. Людмила // Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести. С. 7–13.
14. Катенин П. А. Ольга // Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 91–98.
15. Gummere, F. B. The popular ballad. New York: Houghton Mifflin, 1907. xiv, 360 р.
16. Князев А. С. «Фред» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/fred.html> Дата доступа: 19.07.24.
17. Голубева Е. В. Колодцы как сакральный пространственный локус // Молодой ученый. 2009. № 10 (10). С. 222–225. URL: <https://moluch.ru/archive/10/702/> Дата доступа: 19.07.24.
18. Ладыгин М. Б., Ладыгина О. М. Краткий мифологический словарь. М.: Издательство НОУ «Полярная звезда», 2003. 223 с.
19. Князев А. С. «Верная жена» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/vernaya-zhena.html> Дата доступа: 19.07.24.
20. Князев А. С. «Садовник» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-gardener-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.
21. Князев А. С. «Лесник» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/lesnik.html> Дата доступа: 19.07.24.
22. Князев А. С. «Охотник» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/ohotnik.html> Дата доступа: 19.07.24.
23. Князев А. С. «Медведь» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/medved.html> Дата доступа: 19.07.24.
24. Князев А. С. «Вдова и горбун» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/vdova-i-gorbun.html> Дата доступа: 19.07.24.
25. Князев А. С. «Ели мясо мужики» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-men-were-eating-meat-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.
26. Князев А. С. «Тайна хозяйки старинных часов» // URL: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/204/> Дата доступа: 19.07.24.
27. Князев А. С. «Рыбак» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-fisherman-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.
28. Алексеев Е. («Rotten Toten») «Ужин у вдовы» // URL: https://vk.com/topic-172324813_40190081 Дата доступа: 19.07.24.
29. «Спектакль Джо» «Портрет» // URL: <https://genius.com/Joes-theatre-portrait-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.
30. Князев А. С. «Та, что смотрит из пруда» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-she-who-looks-out-of-the-pond-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.
31. Князев А. С. «Девушка и граф» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-a-girl-and-an-earl-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.
32. Князев А. С. «Ведьма и осел» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-a-witch-and-a-donkey-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.
33. Князев А. С. «Кукла колдуна» // URL: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/666/> Дата доступа: 19.07.24.
34. Князев А. С. «Некромант» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/nekromant.html> Дата доступа: 19.07.24.
35. Князев А. С., Горшенёв М. Ю. «Хозяин леса» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/hozyain-lesa.html> Дата доступа: 19.07.24.

36. Князев А. С. «Отражение» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-reflection-lyrics>
Дата доступа: 19.07.24.
37. Левченко О. А. Русская романтическая баллада 1820—30-х годов: Материалы к библиографии // Проблемы современного пушкиноведения: Сборник статей. Псков, 1994. С. 191–217.
38. Верина У. Ю. Обновление жанра баллады в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2017. Т. 27, вып. 2. С. 229–23

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья написана на актуальную тему (актуальность её, на наш взгляд, определяется необходимостью глубокого научного литературоведческого и лингвостилистического анализа текстов современных песен как исключительно значимого культурно и социально материала), на недостаточно исследованном на сегодняшний день стилистически материале песенных текстов группы "Король и шут". В ней автор предпринимает попытку выявить сюжеты, мотивы и стилистические особенности традиционной русской баллады XIX века, характерные для текстов песен группы, явно носящих стилизационный характер. В ходе исследования сделано несколько важных наблюдений на уровне сюжетного анализа, наиболее интересные из них, на наш взгляд, связаны с мотивом перехода персонажей песен между мирами. Статья в целом написана научным языком, в едином научном стиле (точечные замечания см. далее).

Тем не менее, при общей довольно высокой оценке статьи, мы считаем, что она нуждается в авторской доработке как технического, так и содержательного характера.

1. Если автор берётся говорить именно о стилизации, он должен понимать, что стилизация – явление стилистики, а значит, её маркеры должны обнаруживаться, в первую очередь, непосредственно в тексте, на уровне языка, а не общих сюжетных схождений. Нам кажется, что статья заметно выигрывает от более детального анализа именно текстов, их лексических и синтаксических особенностей, значимых в контексте вопроса стилизации. Пока автор пишет, что "язык довольно прост", но ничем не доказывает это положение (не говоря уже о том, что выбранный материал очевидно имеет куда более тонкие и интересные сближения с балладой на языковом уровне, чем общая простота). Конечно, можно отложить анализ такого рода для будущих исследований, но тогда целью статьи не может являться доказательство того, что тексты "Короля и шута" являются стилизацией.

2. Если речь идёт о текстах песен, излишними представляются рассуждения о сериале, посвящённом группе, и – тем более – биографии участников коллектива. Рассуждения автора небезинтересны, но выходят за рамки темы и "выпадают" из текста. Необходимо более обоснованно связать с темой или исключить. Например: "Отражение фронтмена – Горшка – персонифицировано в сериале «Короле и Шут» (одним из продюсеров выступил Андрей Князев, то есть конечный продукт можно считать результатом творческой рефлексии участника группы и автора текстов непосредственно) в виде демонического шута, который появляется тогда, когда Горшок переходит в измененное состояние сознания (алкогольное опьянение или психоделический опыт), в котором и происходят споры с этим «злым двойником», подталкивающим к тому, чтобы уйти из жизни на пике популярности. Такого рода «переключения» между плоскостями – реальной, биографической, рассказывающей о становлении группы, ее развитии,

внутренних конфликтах и, наконец, смерти Горшка, и фэнтезийной (создатели определили жанр сериала как «панк-сказка») — позволяют воплотить на экранах сюжеты таких песен, как «Лесник», «Охотник», «Медведь», «Внезапная голова», «Ели мясо мужики», «Вдова и Горбун»[24] и др."

3. Несмотря на распространённость сценических имён Горшок и Князь, необходимо указать реальные имена исполнителей при каждом или хотя бы первом упоминании, а не в конце статьи.

4. Ссылки оформлены неверно. Прямые цитаты с указаниями страниц никак не могут ссылаться на разные источники, тем более разноязычные: "В основе такой баллады традиционно лежит фольклорный сюжет, что не позволяет исключить из числа основных признаков жанра «атмосферу чудесного, таинственного, фантастического»[8, с. 4],[9, с. 196],[10] и заложенное в памяти жанра ощущение его генетической связи с долитеатурными образцами (прежде всего, сказкой и балладой народной). Неслучайно Андрей Князев отмечает, что в массовом сознании балладные тексты ассоциируются прежде всего со страшными сказками: «Сторонний наблюдатель обобщит все творчество "КиШа" одним словом — сказки...»[11, с. 1],[12]".

Статья перспективна и может быть принята к повторному рассмотрению после авторской доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Русская рок-поэзия достаточно серьезно изучается в рамках литературного процесса второй половины XX века. Много качественных, конструктивных, «сложных» исследований. Стоит отметить, что интерес привлекает все – это и формат, и стилистика, и язык, и смысловые линии, не является исключением жанровая верификация. Собственно на анализ традиции баллады в текстах группы «Король и Шут» и направлена рецензируемая статья. Считаю, что предмет исследования правомерен, при этом он соотносится с одной из рубрик издания. Как отмечает в начале труда автор, «в статье предпринята попытка выявить некоторые константные признаки жанра литературной баллады, а после – доказать, что в творчестве «Короля и Шута» заметна опора на жанровую традицию и классические образцы, а значит, их тексты могут быть рассмотрены как опыт реконструкции балладных форм». В работе представлен как теоретический, так и практический уровни. На мой взгляд, неплохо дана справка относительно жанра баллады, уместен т.н. историко-культурный срез. Например, «русская литературная баллада, в частности ее наиболее распространенный и продуктивный англо-шотландский вариант[4], – «затейливый»[2, с. 187] лиро-эпический жанр, который «пришел к нам из Германии и Англии»[2, с. 187] (см. переводы В. А. Жуковского из Шиллера, Гёте и В. Скотта) и оформился в начале XIX в. в системе координат, заданных эстетикой романтизма», или «центральным событием в русской литературной балладе, как и в фольклорной сказке, зачастую становится столкновение человека с иномирными сущностями (мертвецами, духами, потусторонними силами)»[3, с. 51]. Однако, в отличие от сказки, герой которой перемещается из «своего», освоенного пространства (яви) в мир мертвых (навь) с целью ликвидации недостачи[10, с. 44], баллада характеризуется прямо противоположной разработкой ситуации пересечения границы: персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства (часто – мертвый жених, как, например, в балладе «Людмила» Жуковского или «Ольга» Катенина)

попадает в гармонизированную сферу «здесьного» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия» и т.д. Как видно, ссылки и цитации даются взвешено, умеренно, при этом верно и точно. Анализ текстов «Короля и Шута» объективен, методологически верен (уровень эмпирики также не следует исключать): «описанные выше инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут», действие которых, как и в переводных балладах романтизма, происходит в основном европейском Средневековье, тогда как сюжетная ситуация излагается лапидарно, язык довольно прост, что также является одной из характерных черт баллады[13, с. 71], а само действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен...», или «Важным представляется негативно окрашенная семантика деталей (грязный колодец, «мутная вода»[14]), предвещающих дурное: наутро у Фреда отнимаются ноги, и он сходит с ума, однако бессознательность его действий акцентирована заранее («И зачем-то, вот вопрос, / В дом к себе его отнес»[14]). Традиционный для волшебной сказки мотив «истинной любви» («Стал свою находку / Называть судьбою»[14]), возвращающей засыпанную принцессу к жизни, пробуждающей ее и всех жителей заколдованного замка, также трансформируется, поскольку постепенно подводит Фреда, одержимого своей любовью, к смерти: «От любви безумной / Каждой ночью лунной / Мертвая вставала, / Плотью обрастала»[14] и «Быть хочу всегда с тобой! / Представлять тебя живой, / Верь мне, верь мне, верь мне, верь! / Стоит твоя жизнь моих потерь!»[14]» и т.д. Считаю, что работа интересна, стиль сочинения ориентирован на научный тип. Должное внимание автор уделяет сюжетике песен группы «Король и Шут», что в принципе верно. Например, «сюжет песни «Лесник» воспроизводит классическую сказочную схему: уставший путник просит ночлега у лесника и остается в его сторожке. Лесник дружелюбно принимает его и говорит, что «среди животных» у него «нет <...> врагов»[18] и что он любит «подкармливать волков»[18]. Гостеприимство лесника, его непринужденная болтовня «о том о сем»[18] мешают гостю заподозрить какую-то связь между этими, на первый взгляд, никак не соотнесенными друг с другом репликами, в итоге развязка оказывается новеллистически внезапной — лесник возвращается с «ружьем наперевес» и объявляет: «Друзья хотят покушать, / Пойдем, приятель, в лес!»[18]». Но иллюстраций, примеров, собственно самих разборов должно быть больше! Текст желательно увеличить в объеме, не помешает еще и сопоставительная вставка с другими рок-командами, есть ли в их творчестве «балладный реверсив», такой ли он или выглядит иначе. Поэтому в формате рекомендаций говорю относительного этого. В целом же работе отвечает требованиям, она будет полезна для тех, кто изучает историю рок-поэзии, отечественную музыкальную культуру. Выводы по тексту созвучны основному блоку; ряд базовых позиции относительно разверстки темы прописаны: «рок-поэт обращается к романтической балладе[27] (небольшому сюжетному стихотворению с динамичным, напряженным развитием сюжета, в основе которого лежит необычный случай), поскольку этот жанр, помимо нарратива и фантастики (мотив встречи человека с чудесным, фантастическим, иномирным, а потому пугающим, взятый в качестве сюжетообразующего[28]), несет в своем ядре элегическую тональность (печальные размышления о несправедливости жизни и ее смысле), а также ощущение трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя на смерть, отсюда и лиризация, и монологизация баллады, и исповедальность ее тона». Таким образом, можно констатировать, что материал актуален, нов, нетривиален, но он нуждается в расширении, дополнении аналитической части. Статья «Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут» после доработки может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Традиции баллады XIX века в песнях группы “Король и Шут”» выполнена на интересном и неизученном материале – в ней анализируются тексты популярной группы, которые представляют собой небольшие истории, основанные на сюжетах из фольклора, мифов и легенд. Как правило, исследователями отмечается, что они ориентированы на поэтику «страшных сказок», на что собственно и указывал Андрей Князев, но в данной статье они вписываются в иную традицию. Исходный тезис данной работы состоит в том, что в текстах группы выявляются константные признаки жанра баллады и «заметна опора на жанровую традицию и классические образцы». Данное положение последовательно доказывается в ходе анализа, который опирается на серьезную теоретическую базу. Автор статьи выявляет основные признаки жанра, его содержательные и структурные характеристики, чтобы потом атрибутировать их в рок-балладах группы «Король и Шут». В частности, отмечаются такие элементы, как сюжетность, наличие персонажей, совмещение лирического и эпического, диалогические построения и вопросно-ответная структура, встреча с иномирными сущностями, использование обряда перехода. По наблюдениям автора статьи, «инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут», а «действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен». Основная часть статьи представляет собой последовательное и системное иллюстрирование этого наблюдения. Анализируются такие тексты группы «Король и Шут», как «Фред», «Верная жена», «Лесник», «Охотник», «Медведь», «Тайна хозяйки старинных часов» и др. В них рассматриваются хронотоп, трансформация фольклорных элементов, мотив сна, остановившегося времени, мотив ожившего портрета и т.д. Важно, что творчество группы рассматривается в динамике, прослеживается варьирование приемов (например, отмечается процесс лиризации и монологизации баллады, что сказывается на форме текста – появляются исповеди героев-злодеев). Отметим, что автор статьи не только системно рассматривает тексты песен с точки зрения специфики воплощения в них содержательно-структурных параметров баллады, но и выходит на типологические обобщения. Выводы убедительны, их достоверность обеспечивается изучением обширного литературного материала и опорой на классические методы литературоведческого исследования. Список литературы, которым сопровождается статья, состоит в основном из работ А.А. Боровской, текстов группы и исследований о специфике жанра баллады на разных этапах бытования жанра. Думаю, что автору стоит обратить внимание на диссертацию Пивкиной Е.В. «Специфика жанра баллады в отечественной поэзии 1990-2000-х гг.», которая написана на материале, хронологически близком к деятельности группы, что позволит в дальнейших исследованиях вписать баллады не только в романтический историко-литературный контекст, но и рассмотреть своеобразие жанровых поисков авторов песен в синхронии. Все вышесказанное позволяет рекомендовать статью к публикации.